

Студия — это СЕРЬЕЗНО!

Знаете ли вы, что в одной Москве насчитывается около трехсот самодеятельных театральных коллективов? Цифра впечатляющая, но... многие ли из вас регулярно ходят на спектакли хотя бы трех из них? Впрочем, зрители, может, и рады были бы пойти, но не знают, как попасть на самодеятельный спектакль, где достать билеты, к кому обратиться. Ведь никакой информации, как правило, на этот счет не существует. А жаль.

Не надо забывать, что из кружка любителей драматического искусства однажды МХАТ получился!

Пока еще, мне кажется, бытует однобокое, неверное представление о роли любительских студий в едином театральном процессе. Это ведь только в футболе — хоккее есть «вторая лига», в искусстве нет никаких лиг: или есть искусство, или его нет. Мне, например, приходилось работать в весьма солидных профессиональных театрах, и бывало, я сталкивался там с дилетантизмом, неумением делать то, что надо бы уметь. Профессионализм — качество, подтверждаемое не в бухгалтерии, а на сцене. Перед всеми, кто посвятил себя театру: будь то любитель или профессионал, в равной степени стоит одна задача — овладение мастерством, и в конце концов неважно, получаем ли мы за свои муки творчества деньги или работаем бесплатно.

Именно в этом смысле студийная этика, студийная мораль являются священной традицией великого русского искусства, завещанной нам Константином Сергеевичем Станиславским и Евгением Багратионовичем Вахтанговым.

...Полтора года назад в Центральном доме медицинских работников было вывешено объявление о приеме в новую студию. К моему изумлению, буквально с улицы пришло чело-

век двести. С одной стороны, сразу стало ясно, что надо устраивать конкурс — коллектив не может состоять из двухсот человек хотя бы потому, что зальчик, в котором предстояло разместиться нашей студии, вмещает не больше восьмидесяти зрителей. С другой — есть инструкция: в самодеятельность надо принимать всех подряд. Кстати, об инструкции: мне представляется, что такого рода подход к самодеятельности явно устарел. Конкурс-отбор во всех отношениях правильнее и, если хотите, справедливее... Ведь, заразив театром людей, не способных к сценическому перевоплощению, мы можем надорвать многих из них психологически и даже поломать и исковеркать их судьбы.

Сейчас в народном театре-студии «У Никитских ворот» шестьдесят человек. Кто же эти люди?..

Вспоминаю годы, когда мне пришлось руководить студенческим театром Московского университета «Наш дом». Тогда, естественно, в коллектив приходили студенты. Сегодня — вот повод для раздумий социологов — студентов почти нет. Кроме врачей и медсестер, в Дом медработников для занятий в театре пришла густым потоком рабочая молодежь. Кузнец, слесарь, работница булочной... И рядом с ними — два профессора, доктора наук,

три кандидата, ученые, один — лауреат Государственной премии. Для чего, спрашивается, они пришли в театр? Ответ краткий, но очень емкий: «Для души».

Как приятно было слышать эти слова не однажды и не от одного человека!.. Это значит, что у самых разных людей есть общая великая тяга к художественному выявлению своих самых сокровенных чувств и мыслей, изъявлению своего «я» в коллективе, где, по выражению Вахтангова, «все друг другу — друзья». Да, «для души» — такой ответ ко многому обязывает руководителя студии, ибо каждый студиец отныне ждет твоих решений, жаждет совместного творчества.

И тут встает одна из главных проблем — выбор репертуара. Существует мнение, что в самодеятельности следует ставить только то, что уже апробировано на профессиональной сцене.

Думается, такая точка зрения на самодеятельное искусство чрезвычайно неподотворна. Она ставит под сомнение самый смысл слова «самодеятельность».

Интересно, родился бы сейчас при таком подходе новый «Город на заре», как он родился когда-то в довоенной арбузовско-плучиковской студии? Нет, конечно! В любительских студиях, плетущихся в хвосте у профессионального искусства, нередко процветают пошлость и скука, рожденные творческой апатией участников. И наоборот, одухотворенные идеями, которые не вняты напрокат со стороны, даже начинающие актеры быстро обретают зрелость.

Рождение студийного театра

возможно только при двух условиях: во-первых, необходимо иметь четкую идейно-художественную программу коллектива и, во-вторых, суметь организовать, увлечь разнородную массу любителей, сплотить ее высокими задачами и найти каждому дело по силам.

За год работы в народном театре-студии «У Никитских ворот» поставлено несколько учебных спектаклей. Начали мы с «Доктора Чехова» — театральных фантазий по «Пестрым рассказам» писателя. Спектакль создавался несколько странным способом. Я сказал студийцам: «У меня нет никакого сценария. Каждый обязан по собственному вкусу выбрать себе рассказ, найти партнеров, сретировать на живую нитку и показать, что получится...». Через месяц пришлось охнуть от обилия предложений. Зато сразу проявилась индивидуальность каждого новичка. Гласность разбора самостоятельных работ приучила к ответственности. Режиссеру-постановщику оставалось всего лишь перепоставить все заново, опираясь на уже проделанный самими студийцами труд, и дополнить спектакль собственными идеями. Так возник, скажем, «Унтер Пришибеев» в исполнении Андрея Чочеткова. Так было придумано решение другого чеховского рассказа — «Спать хочется» в исполнении Ирины Знаменщицкой и Татьяны Чухаленок.

Но дальше сразу стало немаловажно трудно. Людей в студии много, а в качестве второй работы была выбрана «Бедная Лиза» (по Н. М. Карамзину), пьеса, в которой всего четыре роли. Начались непредвиденные обиды... С какой вни-

мательностью и тонкостью надо было доводить наш общий труд до второй премьеры, чтобы тактично и в то же время принципиально снять напряжение и ничем не омрачить радость творческой победы. Мне запомнился этот урок нравственности, который нам преподавала сама жизнь, и сегодня, вспоминая бывшие конфликтные ситуации, мы лишь смеемся над собой.

У нас принят на общем собрании устав студии, который определяет права и обязанности ее участников. Совет студии следит за соблюдением дисциплины. Я стараюсь, и это делается совершенно сознательно, чтобы контроль осуществляли прежде всего сами студийцы по мушкетерскому принципу «один за всех и все за одного». Студия — это такое сообщество людей, которые изначально как бы договорились не подводить друг друга ни при каких обстоятельствах.

Совет студии уже неоднократно объявлял приговор, в котором с полным основанием произносилось жестокое слово «выгнать». Между прочим, по уставу у меня как у руководителя есть так называемое право «вето», пользуясь которым, я могу отменить любое решение совета. Но за все время существования студии мне этим правом воспользоваться ни разу не захотелось. Принципы студийной этики как бы отработывались в ходе подготовки каждого очередного спектакля, кое-что дополнялось, от чего-то приходилось отказываться...

Студийный спектакль — плод больших коллективных усилий. Административная группа печатает билеты в типографии, распределяет их по

заявкам, отмечает исполнитель в программках, встречает гостей в вестибюле, проверяет билеты при входе в зал, расставляет зритель по местам, помогает работе гардероба. Рабочие сцены расставляют декорации, прибавляют, приклеивают. Осветители следят за напряжением в сети (стоит включить одновременно все наши фонари, как тут же перегорит свет во всем Доме медицинских работников!), осуществляют световое оформление спектакля... Радисты с помощью нашего плохонького магнитофона ведут спектакль. Костюмеры носят костюмы в химчистку, подшивают и подглаживают их, помогают переодеться актерам перед выходом на сцену. Казалось бы, примитивный перечень элементарных театральных забот. Однако студии они даются очень не просто. Быть студийным актером — значит быть готовым в любой момент встать на любое нужное театру место, пытаться выполнить самое маленькое поручение, всегда считая его сверхважнейшим для жизни студии.

Создать полноценный спектакль в студийных условиях довольно сложно. Допустим, где хранить декорации, если их негде хранить? И возникает эстетика так называемого «бедного театра» вовсе не потому, что я горячий ее сторонник, а потому, что по-другому не получается. Или проблема костюмов. У самодеятельных артистов, да и то, наверное, только в Москве, имеется лишь возможность брать готовые костюмы напрокат. Но возможность, увы, не реальность...

Вот, скажем, все коллективы начинают готовить спектакли к 40-летию Победы советского народа над фашизмом. Наша

студия тоже. Мне кажется, мы придумали нечто интересное, но именно поэтому требующее полной достоверности. Тут нет места никакой «липе» — тема не простит. И вот вопрос: где, собственно, народный театр может достать или сшить то, что ему нужно к спектаклю? К кому только ни обращались, и всюду — отказ. Теперь ищем шефов — воинскую часть, которая, возможно, поможет. В этой связи думается, давно назрела необходимость создания в столице и других крупных городах специальных производственно-театральных комбинатов, работающих исключительно на самодеятельность.

Необходимо, как мне кажется, в гораздо большей степени, нежели теперь, наполнить содержанием контакты зрителей и участников. Ведь студия — это еще и своеобразный театральный клуб, где можно чаще, чем в профессиональном театре, проводить открытые обсуждения спектаклей, где возможны совершенно новые, свежие формы взаимоотношений так называемых творцов и потребителей. В конце концов не даром же мы называемся народным театром!

Между тем на сегодня положение таково, что об этих вещах можно только мечтать. А почему? Нет ли тут нашего собственного равнодушия к делу, которое столь любимое? Нет ли чьей-то безответственности и халатности? Так ли уж мимолетно должно быть театральное искусство?

Марк РОЗОВСКИЙ,
художественный
руководитель народного
театра-студии «У Никитских
ворот» Центрального дома
медицинских работников.
МОСКВА.

Сов. культуре, 1984, 28 авг. 203